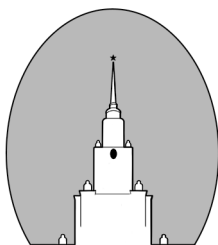

Татьяна
УСТИНОВА

НЕРАЗРЕЗАННЫЕ СТРАНИЦЫ

МОСКВА

Татьяна
УСТИНОВА

НЕРАЗРЕЗАННЫЕ
СТРАНИЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80   **Неразрезанные страницы** : роман / Татьяна
Устинова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-233078-0

Писатель Алекс Шан-Гирей решает, что должен снова вернуть себя и обрести свободу. И потому расстается с Маней Поливановой — женщиной всей своей жизни, а по совместительству автором популярных детективов... А Маня совершенно не выносит вранья и человеческих мучений. И если уж Алекс почему-то решил «освободиться» — пожалуйста! Ей нужно спасти Владимира Берегового — главу IT-отдела издательства «Алфавит», который попадает в почти мистическую историю с исчезнувшим трупом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233078-0

© Устинова Т. В., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глядя на эту мрачную картину, Муми-тролль думал о том, как должно быть, боялась Земля этого приближающегося к ней огненного шара. Он думал о том, как сильно любил все это: лес и море, дождь и ветер, солнце, траву и мох. О том, что жить без всего этого было бы невозможно.

Но потом он вспомнил о маме и решил, что она знает, как всё это спасти.

*Тове Янссон.
«Комета прилетает»*

— Але! — глупо сказал он, как будто в телефон, и помолчал, прислушиваясь. — Але, есть кто живой?..

Дом ничего не ответил, только где-то вдалеке сильно стукнуло, словно с размаху отворилась оконная рама.

Тишина, до этой секунды вполне мирная, вдруг стала угрожающей.

— Але! Извините, пожалуйста, у вас не заперто!

Оглядываясь через плечо на приоткрытую дверь, Владимир Береговой двинулся по темному коридору на свет.

Странное дело. В комнате тоже никого не было, а окно действительно оказалось распахнутым. Из него тянуло холодом и запахом талого снега, и слышно было, как с крыши капает — бодро, по-весеннему!..

И никого. Владимир подошел и прикрыл створку.

...И что теперь делать? Вот друг Столетов втравил в авантюру, спасибо ему!

А домишко ничего себе! Справный такой домишко. Береговой вытащил из заднего кармана джинсов телефон, нажал кнопку и огляделся. Стены как пить дать из карельской березы, а может, напротив, из сибирской лиственницы, он не слишком разбирается в породах дерева, но — здорово красиво!..

Телефон прогудел ему в ухо. Би-ип. Би-ип.

И еще рога! Раз, два, три — он повертел головой, — четыре пары, о как!.. Должно быть, хозяин уважает рогатых и сохатых, едва завидев, сразу всаживает в них заряд с дробью, заваливает, а рога откручивает и присобачивает на стены.

Би-ип. Би-ип.

В камине пылал веселый огонь. Вот чего Береговому всегда не хватало!.. Нет, не камина, какой там камин на восьмом этаже новостройки, где он жил, а настоящего огня! В деревне, куда он ни разу не ездил с тех пор, как заболела мать, первым делом затапливалась печка, и так сразу делалось уютно, тепло, славно! И хотелось сидеть возле этой печки, греть руки, помешивать кривой кочергой трескучие веселые полешки!

— Але, — нетерпеливо сказал ему в ухо телефон голосом лучшего друга Столетова. Голос был приглушенный, словно из-под стола. — Чего тебе? Говори быстрее, я на совещалове!

— Дэн, похоже, тут нет никого!

— Где?!

— Да в доме у этого твоего!.. Куда ты меня послал!..

Окно вдруг опять распахнулось, как будто дернуло сквозняком. От резкого звука Владимир Береговой вздрогнул, уронил прижатую плечом трубку.

Трубка глухо стукнула в ковер и покатилась. Бе-

реговой бросился, подобрал ее и опять прижал к уху.

— Слышь, Дэн, я приехал, а тут никого!

— Ну и хрен с ним! В почтовый ящик сунь, и все дела! Самое главное — передать! Считаю, ты передал! И не звони, у нас тут та-акое!..

Дэн Столетов работал в журнале «День сегодняшний», и там у них то и дело случалось та-акое...

— Да нет, ты не понял! Ворота открыты, и дом тоже, только нету никого...

Но Столетова в телефоне уже не было. Втравить друга Владимира в авантюру — это он запросто, это он легко. А вот помочь советом — так он на совещалове, и некогда ему!..

Мимо рогов, растопыренных в разные стороны, мимо темных, лаково поблескивающих картин, на которых были изображены мертвые утки, мертвые кролики и мертвые куропатки, кажется, такие картины называются натюрмортами, он вернулся в прихожую, — какая, к черту, прихожая, зал размером с его квартиру! — пристроил пакет на кресло, потом подумал и переложил на комод, поближе к выходу.

Постоял, прислушиваясь, и сказал громко:

— Ну, на всякий случай, до свидания!

Дом ничего не ответил, но Береговому вдруг показалось, будто кто-то наблюдает за ним из темноты — так пристально, что заломило в голове.

Он быстро оглянулся.

Никого.

...Нужно убираться подобра-поздорову! Что-то здесь не так.

Береговой шагнул на крыльцо и как следует прихлопнул за собой дверь — дом будто вздрогнул, — но ощущение, что за ним наблюдают, никуда не делось.

На улице было очень сыро, как бывает только ранней весной, когда снег уже осел и потемнел, но еще не растаял, и кругом журчит и капает, и что-то словно двигается и дышит, оживая, и острый холодный воздух пахнет весной даже по вечерам!..

И темно так, как никогда не бывает зимой, когда ночи морозные, ясные!..

Стоп. Темно не потому, что весна, а потому, что свет не горит.

Когда Береговой шел к дому, вдоль дорожки горели фонари, и он был этому рад. Кругом стояли глубокие лужи, и он то перепрыгивал, то обходил их, благословляя эти самые фонари!

Пока он был в доме, кто-то выключил свет.

...Или он сам погас?

Нужно уезжать. Нужно немедленно уезжать отсюда.

Почти ошупью Береговой спустился с крыльца, наступил в воду, сразу и обильно плеснувшую в ботинок, и двинулся по дорожке к воротам. В ботинке теперь отчетливо чавкало.

Машина осталась у забора, заезжать на участок он, разумеется, не стал, несмотря на то, что ворота стояли настежь, и сквозь причудливое чугунное литье ограды Береговому уже был виден ее полированный бок. Там, за забором, фонари горели синим уличным светом.

Сейчас он дошлепает по лужам до этого света, милого своей привычностью, распахнет дверь, плюхнет на сиденье, приемник запоет, двигатель заурчит и...

И тут Береговой споткнулся, ноги разъехались, он бухнулся коленями и животом в лужу, ткнулся лицом. Мокрый снег моментально набился в рукава и даже в рот!

Отплевываясь, он неуклюже пополз, встал на четвереньки, по-собачьи встряхнулся и замер.

Поперек дорожки лежал человек, о которого он и споткнулся. Прямо перед носом Берегового было лицо, синее от света дальнего фонаря, с черными впадинами глаз и висков.

Человек был абсолютно, непоправимо мертв.

Медленно, словно во сне Береговой дотронулся пальцами до ледяной щеки и отдернул руку.

Какой-то посторонний, монотонный звук протыкал сознание:

— А-а-а... А-а-а...

Звук был отвратительный настолько, что Береговой понял: его немедленно вырвет, если он не прекратится сейчас же, и тут только сообразил, что звук издает его собственное горло. Это он сам тихо и страшно воеет на одной ноте:

— А-а-а...

Тут он вскочил, попятился, с ужасом глядя на тело, повернулся и бегом, скользя и чуть не падая, бросился к воротам, к чугунным завитушкам забора, к спасительному свету.

Быстреей, быстреей!.. Бежать, спастись, как можно быстрее!..

Он добежал почти до ворот и остановился.

Нагнулся, зачерпнул немного грязного снега и поел. Зачерпнул еще и вытер лицо. Щеки моментально заледенели.

Нужно вернуться.

Вернуться и посмотреть... *что там.*

Посмотреть и как-то помочь.

Береговой и так знал, «*что там*» и что *помочь ничем нельзя*, но он должен был вернуться.

Он постоял, изо всех сил стараясь дышать. Ему казалось, что, если дышать ровно, тошнота, залепившая горло, отступит.

Он оглянулся через плечо — тело лежало поперек дорожки темной горкой — и перевел взгляд на свою машину, совсем рядом.

Бежать и спастись нельзя. Уже поздно бежать и спастись.

Он повернул назад.

И вся жизнь Владимира Берегового повернула невесть куда в эту самую секунду, но он еще не знал об этом.

Он шел сначала медленно, потом заспешил, подбежал, присел на корточках.

— Как вам помочь? — шепотом спросил он у трупа. — Вы живы?..

И потянул за рукав.

Следом за его движением тело подалось, голова перекатилась — Береговой отпрянул, потерял равновесие и снова плюхнулся в лужу.

Длинные волосы, казавшиеся голубыми, шевельнулись как-то сами по себе. Черная неровная дорожка разделяла их, словно пробор.

Это не черная дорожка, медленно подумал Береговой. Это красная кровь. Она течет из головы, и волосы намокли от крови.

Лицо совсем молодое, безмятежное, как будто довольное чем-то. Разве у трупов бывают... довольные лица?!

— Помогите, — проскулил Владимир Береговой, начальник IT-отдела издательства «Алфавит», заехавший по просьбе друга Дэна Столетова в незнакомый дом, чтобы передать журналы, и оказавшийся один на один с трупом молодой женщины. — Помогите...

Помочь было некому.

И он решил, что тело нужно непременно перенести в дом.

Перенести в дом, вызвать ментов и «Скорую», —

и может быть, может быть, еще как-то удастся ее спасти?!

Несколько раз примерившись, он кое-как взгромоздил на руки тело девушки, очень тяжелое и очень холодное. Голова откинулась, свесились голубые волосы, залитые черной кровью, открылась неожиданно тонкая шейка, и Береговому показалось, что голова сейчас оторвется. Он перехватил тело и понес, очень медленно и осторожно, то и дело сглатывая тошноту и *стараясь не смотреть*.

Однажды в Завидове он нашел под крыльцом мертвую лягушку. Тогда он совсем маленький был. Лягушка лежала на спине, растопырив мертвые лапки, и у нее было точно такое же белое отвратительно вытянутое горло.

Он взобрался на крыльцо и ударил ногой в дверь.

— Эй! Откройте! Помогите мне!

Никто не отозвался, и он ударил еще раз, а потом еще, и потом уже стал колотить не переставая.

Он колотил и точно знал, что никто не откроет. В доме с рогами и картинами, на которых были мертвые кролики и куропатки, никого нет.

Береговой повернулся боком, нашаривая ручку. Голова трупа глухо стукнулась в дверь, перевалилась на другую сторону, уткнулась в его куртку, и он чуть не уронил свою ношу.

Кое-как извернувшись, он надавил локтем, ударил ногой, дверь распахнулась, и Владимир втощил тело в прихожую, где давеча оставил журналы, и приткнул его на светлый диван. Голова свесилась, и он поправил ее, изо всех сил стараясь не смотреть.

— Помогите, — очень тихо попросил он неизвестно кого. — Помогите мне!

Нужно вызвать врачей и этих... которые зани-

маются такими вещами. Он позабыл, как их называют.

Надо как-то получше устроить тело на диване — вдруг оно еще живое?.. Шансов почти нет, но все-таки вдруг?.. Доктор Николай Давыдович, лечивший мать, говорил, что убить человека не так-то просто! Может, и эта девушка... еще пока не умерла?!

Береговой шарил по своим карманам, выворачивая и почти раздирая подкладку, искал телефон.

Аптечка. Нужно принести из машины аптечку и перевязать его... ее. Он взглянул мельком, продолжая ожесточенно шарить по карманам. Никаких ран не увидел, но волосы были в крови, ему показалось, что крови стало больше.

Телефон все никак не находился.

— Я сейчас, — сказал Береговой труп. — Я только до машины и обратно. Ты... потерпи немножко.

Выбежав на крыльцо, он испытал облегчение.

Странное дело, мир не перевернулся, жил прежней весенней бодрой жизнью. Капала вода с крыши, горел фонарь на улице, мокрый снег обрушился по водосточной трубе, прогрохотал совсем рядом с ним.

Если мир устоял, может, все не так страшно?.. Может, еще и обойдется?..

Он добежал до машины, зачем-то распахнул водительскую дверь, выругался и полез в багажник. Одной рукой он раскапывал аптечку, а другой все шарил по карманам в поисках телефона, но тот как в воду канул.

На дорожке Береговой опять поскользнулся, замахал руками, выронил аптечку, подобрал и влетел в дом.

Дыхание остановилось, и сердце, кажется, остановилось тоже.

В прихожей, размером с его московскую квартиру, все было по-прежнему. Вот рога на стенах. Вот комод со стопкой журналов, которые он привез. Вот белый диван.

Только на диване *никого нет*.

Как в кошмаре Береговой подошел поближе. И нагнулся. И заглянул за диван.

Тело исчезло.

Диван был абсолютно пуст и чист.

Владимир провел рукой по обивке — влажная. Значит, тело здесь все-таки лежало, и оно не было видением или галлюцинацией!

И тут Владимир Береговой, начальник IT-отдела процветающего издательства «Алфавит», захвативший по просьбе друга в незнакомый дом, чтобы передать журналы, понял, что этот исчезнувший труп и есть самое худшее, что только могло с ним случиться.

Он закрыл и открыл глаза. Странная штука, он как будто надеялся, что труп *вернется на место*.

Но он не вернулся.

Береговой постоял еще секунду, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, дошагал до своей машины — водительская дверь так и стояла настежь, — сел и запустил мотор.

Ему было холодно, и он на полную мощность включил отопитель, который сразу бодро загудел.

Береговой развернулся, вырулил и двинул по поселковой улице — очень аккуратно. Мысль о том, что мир по-прежнему существует, не рухнул и не лежит в руинах, не отпускала его.

Вон кто-то заезжает в ворота. А там за забором горят веселые огоньки и бегают большая собака.

А по проулку прогрохотал грузовичок с затейливой надписью «Доставка воды».

Береговой выехал на освещенное многополосное шоссе.

В голове было пусто, просторно и холодно.

Что-то все время мешало ему, тыкалось в живот и ребра, и он в конце концов сообразил, что на коленях у него лежит аптечка.

Аптечка на коленях — непорядок. Нужно переложить.

Он принял вправо, приткнулся к обочине, включил аварийку и выбрался из машины.

Аптечка должна быть в багажнике, откуда он ее и достал.

Он обошел свою машину и распахнул багажник.

Аптечка вывалилась из рук и ускакала на проезжую часть.

Береговой стоял над распахнутым багажником и рассматривал скрюченный труп.

Труп мужчины в темном костюме и лакированных ботинках. Брючина задралась почти до колена, и была видна белая, сильно оцарапанная нога.

Знаменитая писательница Маня Поливанова — псевдоним Марина Покровская — только что поругалась с издателем, вернее, издательшей, и ей срочно требовались утешения и кофе со сливками и сахаром.

Анна Иосифовна, генеральная директриса издательства «Алфавит», обожавшая своих писателей и носившаяся с ними, как с малыми детьми, или как с писаной торбой, присочинила Маня, любившая сравнения, на этот раз была строга, если не сказать — резка и неумолима.

Так, что даже обращалась к Мане на «вы» — худшее из наказаний!..

В лифте Поливанова втиснулась в самый угол и почти с головой нырнула в портфель, изрядно потрепанный и очень любимый, словно собираясь в нем отсидеться, чтоб никто из сотрудников не видел ее удрученной физиономии и глаз, красных, как у кролика.

Вот еще только разреветься не хватает!

— Здравсти, Марина Алексеевна!

— Манечка, привет!..

В лифт впорхнула стайка редакторш отдела женской литературы, видимо, возвращавшихся с обеда. Они были сытенские, раскрасневшиеся, а одна везла плюшки, завернутые в салфеточку. В лифте сразу запахло домашней сдобой, и от этого Мане стало совсем невмоготу.

Домой хочу. Я хочу домой, на диван. Рыдать и убиваться над своей загубленной жизнью. А здесь меня никто не любит, никто не жалеет, и даже Анна Иосифовна называет на «вы»!..

Слезища капнула в портфель, и Маня шмыгнула носом.

— Марина Алексеевна, вас Екатерина Петровна искала...

— Знаю я, — грубо перебила Маня, и редакторши удивленно притихли.

Писательница Покровская всегда была весела и расположена к людям, и в кулуарах ее называли «душа Тряпичкин».

Выйдя из лифта, Маня двинула было в сторону «Чили» — так в издательстве «Алфавит» именовалось уютное и просторное помещение, в восточном вкусе, на первом этаже, где можно было поговорить, прочитать не слишком обременительные бумаги, где настоящий турок варил настоящий кофе, стояли удобные диваны и необыкновенные низкие столы, сделанные умельцем-краснодерев-

щиком на заказ. Анна Иосифовна обожала все «настоящее» и «подлинное» и никогда на это самое «подлинное и настоящее» не жалела денег.

Маня собралась туда в расчете на темный угол и кофе со сливками, но поняла, что в данный момент терпеть не может свое издательство, и «Чили» терпеть не может, особенно претенциозность этого названия, кажется произошедшего от модного словечка «chill-out». Никто толком не знает, что оно означает, но — красиво, черт побери!..

Красивости в духе Анны Иосифовны в данный момент Маню бесили.

Не пойдет она ни в какое «Чили», сядет в машину и уедет домой. И больше в издательство ни ногой до тех пор, пока...

— Маня, я тебя ищу! Ты же давно приехала и пропала!

— Я не пропала, — буркнула Поливанова.

Екатерина Митрофанова, заместитель генеральной директрисы, второе лицо в королевстве под названием «Алфавит», профессионал и знаток издательского дела, подхватила писательницу под руку.

Маня терпеть не могла ходить «под ручку». Она сразу чувствовала себя слишком большой и неповоротливой, как танк, к броне которого прицепилась бабочка.

Она вытащила руку и сказала, что уезжает.

— Как?! — поразилась Митрофанова. — Нам поговорить надо! А пальто твое где?

Да. Пальто осталось в приемной Анны Иосифовны на шестом этаже.

Ну и черт с ним!.. Не пойдет она за пальто!

— Маня, что ты такая злая? С Алексом поругалась?

— Я не злая.

— Пойдем кофейку попьем.

— Мне некогда.

— Вы поссорились, да? С Алексом?

— Я ни с кем не ссорилась, — отчеканила Поливанова. — Отстань от меня.

Митрофанова помедлила секунду, а потом снова твердо взяла ее под локоть.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Насчет твоей книжки.

На этот раз Маня руку вырвала.

— Мне уже Анна все сказала! И что я рукопись задерживаю, и что людей подвожу, и что я ленивая, как тюлень! Ты еще добавити хочешь?

— Анна Иосифовна не могла сказать, что ты тюлень.

Маня промолчала. Про тюленя она на самом деле придумала. Директриса ничего такого не говорила, конечно.

Она уже раскаивалась в том, что грубила, и покорно вошла следом за Митрофановой в уютное, тихое и чинное помещение, где почти никого не было в этот послеобеденный час.

— Нам два кофе. Один по-турецки, а второй обычный, со сливками и сахаром.

Знакомый парень-турок, варивший здесь кофе, улыбнулся Поливановой с удовольствием. У них были приятельские отношения. Впрочем, у нее со всеми приятельские отношения!..

— А чего ты хочешь?.. — тихим официальным голосом начала Митрофанова, когда они уселись. — Чтобы она тебя хвалила? Ты же рукописи месяцами не сдаешь! А у нас план к чертям собачьим летит!

— В гробу я видала ваш план.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! Как я могу писать,

если мне не пишется?! Ну как?! Я ни слова из себя выжать не могу! Вот сажусь за компьютер, открываю страницу, пишу-пишу, пишу-пишу, а потом оказывается, что написала ровно три предложения и ни одно никуда не годится!

— А как ты раньше писала?

— Не знаю, — отрезала Поливанова. — Как-то писала. По-моему, очень плохо.

— Ну да, — согласилась Митрофанова. — Куда уж хуже!.. Тиражи за сколько миллионов перевалили?..

Турок принес на латунном подносе кофе, ловко поставил и улыбнулся понурой Мане. Она даже не заметила.

— Алекс что говорит?

Маня отхлебнула, обожглась и задышала ртом.

— А что он должен говорить?

— Ну, он же видит, наверное, что у тебя кризис жанра?..

— Я не знаю, что он там видит, а чего не видит. Ему не до меня.

— В каком смысле?

— Во всех. — Маня глубоко вздохнула и посмотрела на Митрофанову несчастными глазами.

Она одна кругом виновата. Перед всеми. И перед Алексом тоже.

— Маня, вы на самом деле поссорились?

— Мы не ссорились. Ему просто нет до меня дела. У него... своя книжка и своя жизнь. И отстань от меня, Митрофанова, ты же все знаешь!

Екатерина Петровна сделала аккуратный глоток и пожала плечами. И поправила идеально белый манжет с запонкой, выглядывавший из рукава идеально скроенного пиджака.

— Ну, а чего ты хотела? — спросила она негромко. — Жить с гением — это, знаешь ли, непросто.

— Спасибо, что сказала, а то я без тебя не знала. Ладно, Кать, я пошла. Увидимся, когда роман напишу.

— Это значит через год?

Маня поднялась и посмотрела на нее сверху.

— Может, через два. Как пойдет.

— А он... где?

Маня не стала делать вид, что не поняла.

— Во Франции он.

— Давно?

— Да уж месяца два. У него дела в его драгоценном французском издательстве. Драгоценное французское издательство жаждет заключить с ним очередной контракт. Драгоценное издательство собирается уладить все прошлые недоразумения. Кланяйтесь драгоценной Марье Ивановне.

— А у нас Береговой сегодня на работу не вышел, — сообщила ни с того ни с сего Митрофанова. — Пропал, и телефон не отвечает.

— Найдется, — сказала писательница Покровская равнодушно.

— Да не можем его найти!

— Чай, он не иголка в стоге сена! Большой мальчик, метр девяносто, не меньше.

— Я к тебе сегодня вечером приеду, — пригрозила Митрофанова. — И мы поговорим.

— Я тебя на порог не пущу, — отрезала Покровская и улыбнулась. — Кать, ты не обижайся на меня, но мне действительно сейчас как-то... ну, совсем хреново.

Так и не забрав пальто, наступая туфлями в глубокие лужи, Маня добралась до машины, долго и бестолково тыкалась, выруливая, — она плохо водила и знала об этом, — и решила, что домой ни за что не поедет.

А поедет в книжный магазин «Москва».